

П. С. ЛЕМЕЩЕНКО

О рациональности экономической науки и понимании теоретических конструкций реальности

*«Выбирая себе направление исследования,
экономисты поддаются стадному чувству,
и тот, кто не прельстится общими темами,
может многое выиграть».*

Р. Шиллер

(Лемещенко П.С. О рациональности экономической науки и понимании теоретических конструкций реальности // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2014. № 6. С. 109-123).

Аннотация. В статье автор затрагивает широкую проблему гносеологических возможностей современной экономической науки, обращаясь к категории рациональности. На конкретных примерах анализируются условия перехода рациональности к иррациональности, которая усиливает эффекты нестабильности современного мирового хозяйства.

Ключевые слова: экономическая наука, рациональность, иррациональность, кризис, нестабильность.

The summary. In article the author mentions a wide problem of gnosiological possibilities of a modern economic science, addressing to a category of rationality. On specific examples conditions of transition of rationality to irrationality which strengthens effects of instability of the modern world economy are analyzed.

Keywords: an economic science, rationality, irrationality, crisis, instability.

Рациональность (лат. *ratio*) – разумность, т.е. характеристика знания с точки зрения соответствия наиболее общим принципам человеческого мышления, претендующего на адекватность принятых решений существующим условиям. Невзирая на многовековую историю эволюции человеческого рода по совокупности результатов этой эволюции трудно не заметить ее крайне противоречивых *итогов*, а также не задуматься, а действительно ли человек в отдельности, группами или сообща мыслит и поступает абсолютно рационально? Действительно ли человек, вооруженный сегодня компьютерными технологиями имея имперские замыслы и амбиции, может предвидеть неблагоприятные для себя события и сообразуясь с этим принять соответствующие решения, минимизируя, например, хотя бы кризисные явления? Вопрос можно поставить и несколько шире, а почему все-таки в человеческом обществе, где правит разум, случаются не просто экономические кризисы, а постоянно ведутся острые политические баталии, переходящие, к сожалению, в войны? Какая рациональность закладывается в экономические войны или войны реальные, объяснение которых может сопровождаться не одно столетие? Почему, в конце концов, ни один экономический кризис не был предсказан

экономической наукой, придав принимающим решения рациональную основу для верного оптимального поведения в обществе в целом или в фирме? Или кризис все-таки прогнозируют одни, формируют и провоцируют его другие, а результаты со знаком «плюс» или «минус» пожинают третьи?

Постсоветским исследователям характерен весьма прямолинейный и шаблонный поиск ответа на вопрос как сделать национальные экономики более эффективными: в более развитых странах найти лучшие институты, организации и импортировать их в свои национальные системы как «образцовые». Но по истечении времени, а почти три десятка лет это уже вполне экспериментально доказуемый период, оказывается, что внедренные за короткий период времени формальные институты и правила в экономиках «работают» далеко не так эффективно как предполагалось. Оказалось, что культура и история страны имеет, по сути, первостепенное значение и для экономического благосостояния. Но мышление человеческое легче воспринимает и изучает то, что на поверхности, что легче усвоить сначала визуально-явленческом уровне. Весь же спектр неформальных отношений и их влияние на экономические процессы более глубоки и поэтому более скрыты, но менее поддающиеся количественному измерению. Следовательно, и влияние последних в отличие от математическо-формализованных выводов и аргументов тоже менее убедительное. Так уж сформирован аналитический аппарат на текущий период. Руководитель фирмы заинтересован производством (в лучшем случае) и извлечением денег, а для политика надо доказать, что, например, увеличение расходов из бюджета на 2% на культуру принесет не менее тех же процентов ВВП. Власть денег стала фанатично определяющей, где индивидуальная и коллективная мысль теряется в мутных и мощных денежных потоках, выходящих за пределы сознательного.

Но значимость неформальных правил обусловлена тем, что именно последние определяют систему страны, ее ген и основу. Исторических генотип, по сути, есть результат прошлого рационального начала. И сегодня уже одни и те же формальные институты в каждом обществе приводят к различным последствиям из-за тех же разных ментальных свойств и сложившихся отношений. После распада СССР появилось огромное количество исследований, посвященных быстрому внедрению (трансплантации) формальных институтов: это требовали реформаторы с их, надо отметить, неискренними мотивами изменить страны к лучшему. Главное – ликвидировать старое советско-социалистическое наследие. Поэтому главное внимание исследователи уделяли не каким образом и как, например, политическое устройство, судебная система, законодательная и избирательная система и прочие формальные институты определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, а где и какие институты более результативные. Тональность и методологическую заданность при этом задавали разного

рода фонды, комитеты, комиссии более развитых западных стран. К неформальным отношениям и институциям начали более внимательно относиться в реформирующихся странах сравнительно недавно, когда потребовалось более глубокое осмысление по стандарту проводимых реформ и итогов приватизации, либерализации и других мер государственного дирижизма, отвлеченного от социально-культурного исторического контекста каждой страны.

Но при сопоставлении ценностей систем «западной» американской и «восточной» - российской хозяйственной культуры оказывается, что они не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Безусловно, это создает не только условия для конфликтов в социально-экономических отношениях между различными слоями и классами общества, но и к размытости в массовом и индивидуальном сознании ориентиров и ценностей, которые крайне нужны для формирования общности страны как единого целого, а также для определения критериев мотивации и стимулов трудовой активности. По сути, сегодня исчерпал себя вульгарный тезис о том, что «сам хозяин» лучше знает, как стимулировать и влиять на работника для повышения активности последнего и для его творческой активности. Ведь как раз-таки различные формы и системы заработной платы, системы поощрения и стимулов были созданы в период поиска оптимальных партнерских отношений между капиталом и трудом как ведущих экономических феноменов. А частная собственность была здесь всего лишь как институциональная предпосылка, условие.

Термин «ментальность» впервые ввел в научный оборот французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе «Первобытное мышление». На его работы оказало сильное влияние труды Дюркгейма о «коллективном представлении». Применял он его с уничижительным оттенком и воспринимался как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов» противостоящих «высококолбым творцам». Центральной особенностью менталитета считалось его нечувствительность к социальным и логическим противоречиям, зафиксированным в преданиях, мифах и сказаниях. Говоря языком Фрейда, менталитету присуще амбивалентность. Как научная категория «ментальность» была впервые разработана исторической школой «Анналы экономической и социальной истории». Именно эта школа увидела в менталитете систему образов и представлений различных социальных групп, в которых все элементы тесно связаны друг с другом и «помогают друг другу» в регулировании поведения людей. Причем на разных этапах своего развития содержание этой категории менялось. Школа «Анналов» прошла в своем становлении и развитии несколько этапов. Если систематизировать взгляды авторов школы «Анналы», то перво разработчики категории «ментальность» (от позднелат. *mentalis*, где лат. *mentis*-ум, *alis*-другие; от франц. *mentalite*, - образ мышления) понимают под ней систему образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, тем самым определяя мысли,

поведение и поступки людей. Это значит, что у каждого общества есть общий психологический стержень, который позволяет всем его членам воспринимать окружающие вещи и явления более или менее одинаково, т.е. ментальность – это не просто набор характеристик, а целостная система взаимосвязанных качеств, закладывающая в основу поведения людей общее основание. Также следует отметить, что, несмотря на разнообразие исследований на эту тему в рамках этой школы, в основном исследования имеют психо-биологическую окраску. Подводя итог развитию категории «менталитет» можно сделать вывод, что хотя сейчас в западной мысли проводятся попытки синтезировать и интегрировать различные научные подходы и объединить общенаучные позиции (К. Бюлер, В. Фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коула), все равно единого общенаучного определения менталитета, его функций, особенностей пока не существует. Одни считают, что менталитет – «психологическая оснастка» единой социальной общности («Анналы»), другие – коллективное бессознательное (К. Юнг, В. Кантор), третьи видят в менталитете не связь с бессознательным, а, наоборот, с сознанием человека (П. Динцельбахер). Итак, в западной науке менталитет – нечто общее, то, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, логического и интуитивного, рационального и эмоционального. Менталитет является глубинным, трудно фиксируемым источником мышления и эмоций. Это понятие тесно соприкасается с феноменом национального разнообразия и различиями в траектории развития разных стран и народов. Именно менталитет и определяет зависимость или эффект «исторической обусловленности» в развитии той или иной страны. Как использовать этот или другие эффекты – это уже выбор экономической политики, имеющей, видимо, уже свою теоретическую платформу, зависящую от понимания происходящих процессов, а еще больше – от проведения и реализации давящего интереса.

Как стало известно, королева Великобритании после кризиса 2008 года, собрав титулованных некоторых экономистов в известной Лондонской школе экономике, спросила у них, а почему экономисты «проворонили кризис». По словам профессора Луиса Гарикано (Luis Garicano), которому королева адресовала свой вопрос во время своего посещения Лондонской школы экономики, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи». В этой фразе можно увидеть, где и какая конкуренция подвела к широко обсуждаемому кризису современности, который, кстати, еще и не завершился. Естественно, сегодня те же экономисты, как правило, из стран как самых влиятельных игроков в мировом сообществе, никогда не определяют правильно и искренне природу и причину не только экономического кризиса, но и других существующих проблем. Дело в том, что выход из мирового общего кризиса не имеет одного пути или инструментов, мер для всех стран в одинаковой степени выгоды. К сожалению, сложившаяся даже не конкурентная, а нестабильная

современная мировая политико-экономическая среда породила ситуацию, когда одна группа стран или же некая одна страна, предлагающая некие меры по изменению ситуации, «выживает» за счет других стран. Рациональность одних стран не совпадает с рациональностью других, в результате чего достигаются разные результаты хозяйствования. Иначе говоря, институционально созданная и юридически подкрепленная неопределенность и нестабильность ситуации является именно теми условиями, позволяющими через вновь созданные действенные инструменты перераспределять добавленную стоимость и богатство. На текущий период 2/3 населения мира владеют лишь 3 процентами мирового богатства или 86 % этого же богатства находится в собственности 10 % населения. Не думается, что это население, владеющее такими ресурсами, аккумулируют доли интеллекта и разума соответствующие, параметрам присваиваемого богатства. Риторика об активности, предприимчивости и пр., порождающей неравномерное распределение, не может считаться сколь-нибудь серьезной. И если период истории первоначального накопления капитала нами может вычитываться из каких-либо литературных источников, то мы являемся очевидцами очередного передела собственности и можем отделить зерна от плевел при определении доли какой-то рациональности, активности, предприимчивости и результатов передела этой собственности. Когда мы критикуем с разной долей эмоциональности рациональность политического мышления, то мы просто напросто упускаем из вида тот очевидный факт, что это мышление, речь идет о действующем политико-экономическом мышлении почти во всех постсоциалистических странах, не что иное, как производная от зафиксированного собственника, если хотите – от капитала. Иррациональность массового поведения населения, позволившая своей безучастностью без революций и пр. «взять собственность» в свои руки также очевидна, она строится на иррациональной формуле, но воспринимаемой на уровне эмоций: частная собственность всегда наиболее эффективна. Не вступая в дискуссию по этой теме, заметим, что Р. Коуз со своей теоремой, которую вроде бы никто не отрицает, значительно поколебал высказанный выше тезис. И в условиях частной собственности права собственности не являются четко специфицированными, а сама организация рынка требует значительных затрат и охраны. Правда, кто за него платит и согласен платить – это уже вопрос другой.

Научный метод имеет первостепенное значение перед фактами рациональности и даже перед отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, поиск фактов, отражаемых в определенных категориях, определяет результаты, и, в конечном счете, право экономики считаться наукой. Однако необходимо подчеркнуть, что в выборе метода или частных методик экономических исследований должно быть, во-первых, обращение к экономике как устройству, имеющего конституирующие начала. Во-вторых, закладывать в ней эволюционные установки и способность к самоорганизации и порядку. А в-третьих,

теоретическая экономика в своем фундаментальном понимании обеспечит эвристическую функцию лишь при условии заложенной а priori гуманистической позиции. Такое утверждение позволительно по той причине, что экономическая наука — это, прежде всего, наука о человеке, его будущем. Такой она возникла в своем классическом варианте. Обращение же к ее основам необходимо, чтобы зафиксировать сложившиеся нарушения в логике и, естественно, в выводах экономической науки. История логики экономических исследований показывает, что первая целостная картина экономической реальности принадлежит классической политической экономии. Мир богатства выступил предметным миром науки, а объективные законы-тенденции стали эвристической целью и главной функцией экономической науки того периода. «Стержнем» общей экономической картины мира было движение или кругооборот общественного продукта с его составляющими элементами. Классиками выясняются причинно-следственные и функциональные взаимосвязи между главными источниками богатства, его формами и законами распределения доходов. В движении богатства классики искали универсальные закономерности и законы экономии, стремясь объяснить и предвидеть тенденции экономического развития. Это первый уровень рациональности науки экономики. Мышление вынуждено признать ограничения в тех объективных экономических законах, в которых проявляются индивидуальные и коллективные действия субъектов хозяйствования.

Используемая парадигма марксизма позволяет считать это учение, т.е. марксизм, продолжением эволюции классической школы. Конкретный мир на теоретическом уровне воспроизводится Марксом как совокупность противоречиво развивающихся производственных отношений между трудом и капиталом, внутри различных видов капитала, между исторически сложившимися институтами (частной собственности, государства, религии, морали, семьи и пр.) и новыми институциональными изменениями (демократическая мораль, буржуазное право, новая роль банков, капиталистическая и акционерная собственность, производственная кооперация на уровне капиталов, монополистические объединения). В исследовательской программе Маркса диалектическая позиция воплощалась непосредственно через метод восхождения от абстрактного к конкретному, дополняемая принципом единства логического и исторического. И в этом новизна методологии марксистской политэкономии. Как бы приняв вызов исторической школы, Маркс делает дедуктивные заключения об эволюции общества в целом и экономике в частности как естественно-историческом процессе, в котором товар как элементарная форма общественного богатства фиксирует в себе начала истории и логики.

Историческая школа не восприняла парадигму классической политической экономии, что создало научный конфликт. Но формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономии, поскольку впервые в истории науки отчетливо и критически осознанно была

сформулирована сама проблема метода экономического исследования. Представители исторических традиций в экономике своими работами дали возможность зафиксировать национальное самосознание европейских стран, для которых понимание экономики возможно лишь в контексте освоения культуры в широком смысле слова. Это второй уровень рациональности, обеспечившей через призму использования специфики культур и психологии лучшее и эффективное использование имеющихся ресурсов.

Следующий значимый парадигмальный сдвиг в теории экономики был связан с австрийской школой и в целом с маржиналистами. Объективная картина экономического мира сменилась субъективным восприятием экономического агента. Здесь предельно чувственное каждого из них все-таки выводилось из некоего абстрактного субъекта, который наделялся теми или иными чертами. Реальная же картина экономического мира уже интерпретируется как образ этого субъекта. Маржиналисты своими теориями обратили внимание на то, что *экономическая реальность сама рождается в процессе активной деятельности субъекта*. По сути, это расширило внутренний потенциал энергии самого человека. Итак, эволюция экономической науки выкристаллизовала четыре главные картины сложного и динамичного реального хозяйственного мира. Это, прежде всего, мир богатства и модель развития классической политической экономии и политэкономии Маркса. Во-вторых, хозяйственная картина всей культуры национальной экономики, к чему в своих исследованиях обращаются представители историко-институционального направления. В-третьих, мир хозяйствующего субъекта маржиналистов. В-четвертых, активный деятельный мир Кейнса. В каждом из этих подходов осуществляется в свою очередь и интерпретация рациональности, к которой обращаются экономисты. Рациональность в теории уже не индивидуальная или групповая, а общественно-необходимая, регулирующая совокупность разных интересов и социальных групп, чем обеспечивала целостность и динамичность системы сингулярного хозяйства.

Анализ методологии экономической науки в конце XX и начале XXI вв. не позволяет за последнее столетие в развитии экономической мысли обнаружить каких-либо новых парадигм теории. Для эволюции практически всех сложившихся направлений и школ экономической науки характерно использование плюралистических парадигм. Можно вести речь не о парадигмах, а об исследовательских программах. Вероятнее всего, плюрализм экономической теории XXI в. вполне соответствует усложнившейся реальности мировой экономики, в развитии которой преобладают интеграционно-хаотические процессы не только на уровне политико-экономических, но и на уровне хозяйственно-психологических связей. Он включает в себя не только параметры, вытекающие из традиционной экономики, но и впитывают глубинные аналогии между забыванием прошлой истории и актуализацией будущего, психологическим временем и наследственным процессом психологического забывания,

наследственной и социальной обусловленностью поведения людей, психологической оценкой денежных явлений с постепенным затуханием во времени и эффектом запаздывания регулятивных политико-экономических мероприятий.

Интегрированный анализ истории, философии, права, собственно экономики, природно-региональных особенностей обнаруживает этическое начало английской политэкономии, конституционно-правовую основу американской теории, историко-культурные корни западноевропейской науки и патриархально-самодержавные элементы экономической науки Российско–Белорусско–Украинского региона. Эти особенности теории четко проявляются в реальных политико–экономических моделях со всеми очевидными и неизвестными последствиями.

Итак, **факт** влияния научно-мыслительного процесса, его результатов на наше бытие, хозяйственное и экономическое поведение вряд ли кто будет отрицать. Это, по сути, те **«случайные величины»**, на которые мало обращают внимание, но от которых, если обратиться к Фришу и Слуцкому, при определенных условиях формируется кумулятивный эффект развития даже если не будет никакого ресурсного обеспечения. Есть прямая связь, которую никто не будет отрицать, между уровнем развития экономической науки, ее соответствующих элементов и форм, и уровнем национального благосостояния. «Истинная редкость в мире – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего..., – как пишет П. Кругман. – Единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей [1, с. 296].

Экономическая наука – больше чем наука. Это и аналитика, и теория, и религия, и искусство, и политика, и мировоззрение, и деятельность, и, безусловно, мудрость, и ориентир справедливости. «Справедливость... представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, – подчеркивает А. Смит, – то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах» [2, с. 101]. Собственно, не впадая в большой пессимизм, можно сказать, что современная хозяйственная практика вряд ли отвечает, а точнее – вообще не отвечает, *тем предпосылкам о рациональности*, которые ранее закладывали теоретики мейнстрима в свои исследования и, естественно, рекомендации. И если экономические кризисы могут с более или менее точной вероятностью указать на уровень эффективности эволюционирующей некой политико-экономической модели, отрицая не перспективные, то в экономической науке к факту сложившегося в ней неблагоприятного положения с точки зрения адекватности отражения ею той же хозяйственной реальности надо подойти через активное обсуждение и оценку всего теоретического арсенала и оценку влияния института экономической науки через политический процесс на хозяйственное бытие.

Как показывает история науки, это процесс весьма сложный, противоречивый и не всегда оперативный.

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи *априори* заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный интерес, его универсальные счетно-аналитические способности. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательная-эвристическая функция науки сменяется узко прагматическим значением исследовательского процесса. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности. Ссылка на западные страны может быть принята во внимание, но лишь как дополнительная информация к более глубокому анализу, поскольку содержание работы Эрнандо де Сотто «Загадка капитала, или почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире» обостряет данную проблему.

Впервые на несоответствие предпосылки об уровне рациональности и хозяйственных процессов обратил внимание Г. Саймон, сформулировав гипотезу о «неполной рациональности», зависимой от когнитивных способностей индивида, процедуры исследования и других условий. Что значит несоответствие? Это значит, что в рамках определенных традиций теория «развивалась?» на собственных, неверно сформулированных предпосылках о «разумности человеческого поведения», а практика функционировала, конечно, не сама по себе (!), но не в соответствии с выработанными принципами и прогнозами. Особенно это касается предпосылки о равновесии рыночной экономики, после каждой новой представленной модели «неожиданно» случался очередной экономический кризис. Например, кризис 1929-1933 гг. абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви. На тот период профессор И. Фишер был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [3, р. 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. И. Фишер потерял не только свой научный авторитет, но и все свои сбережения.

Серьезную брешь в теорию экономической рациональности внесли Д. Канеман и А. Тверски – Нобелевские лауреаты по экономике 2002 г. На эмпирическом уровне ими было доказано, что решения индивидами принимаются далеко не в соответствии с теми условиями, которые бы оптимально соответствовали сложившимся конкретным институциональным рамкам. Канеман с коллегами экспериментально доказали не просто нелогичность поведения людей, но и показал, что *человеческими поступками (следовательно, экономическими тенденциями, а, следовательно - и всей Историей человечества) руководит не только и не столько разум людей, сколько их глупость*. Более мягко данная формулировка может звучать иначе: индивиды, хозяйствующие субъекты и пр. обладают весьма разными когнитивными способностями и способностями действовать в соответствии с принятыми решениями. Но это не просто нелогичные поступки сами по себе. Они есть следствие сложившейся политико- и социально-экономической системы, в строительство которой экономисты внесли и сейчас активно вносят свой довольно немалый вклад. Экономист-теоретик, прежде всего, формирует фокус мышления политиков, населения и пр., в котором парадигмальные атрибуты имеют доминирующее значение. Например, действительно ли у всех сегодня свободный и одинаковый выбор? Действительно ли мозг любого человека работает как вычислительная машина? Действительно ли человек руководствуется чисто эгоистическим мотивом по максимизации индивидуальной полезности даже в ущерб полезности нравственной?

Различных экспериментов названными выше авторами было проведено немало. Приведем некоторые из них.

Студентам математического факультета предлагали решить примерно такую задачу: Лена - зрелая женщина, которой стукнул тридцать лет и энергии у нее много. На досуге она говорит красивые тосты и при этом может, не моргнув глазом, опрокинуть лихо стакан виски. Кроме того, ее раздражают любые проявления дискриминации и возбуждают демонстрации в защиту индийских слонов. Вопрос: Какой из двух вариантов вероятнее: 1 - то, что Лена - кассир в банке или 2 - то, что Лена - кассир в банке и феминистка? Оказалось, что свыше 70% участников эксперимента выбирали второй вариант, потому что предварительное описание Лены соответствовало их представлениям о феминистках, хотя это описание не имело отношения к делу и носило отвлекающий характер, как серебристая блесна с незаметным крючком для щуки. Студенты, изучавшие теорию вероятностей, знали, что вероятность наступления простого события выше вероятности наступления составного. Иначе говоря, общее количество кассиров больше, чем количество кассиров-феминисток. Но пошли на поводу лирикой о блесне и попались на крючок, хотя, как понятно, правильный ответ - 1) Отсюда вывод: *стереотипы, довлеющие над людьми, легко затмевают трезвый рассудок*.

Закон подарка. Представьте себе, посетителя, входящего в кафе, встречает администратор возгласами: «О, сбылось! - наконец-то к нам пожаловал тысячный посетитель! Вам за это положен торжественный приз - чашка с блюдцем!». Посетитель принимает дар с натянутой улыбкой без явно выраженных признаков восторга, поскольку понимает, что чашка ему как-то не нужна. Принимая свой заказ и закусывая, посетитель, глядит на ненужный подарок и уже размышляет про себя о том, куда его пристроить. Но, прежде чем он успеваеt выпить кофе, к нему подбегает тот же

администратор и извиняющимся тоном говорит уже о том, что, простите, дескать, просчитались - оказалось, что вы у нас - 999-й, а тысячный - вон тот вошедший гражданин в шляпе - хватает чашку и убегает с криками «Кого вижу!» и так далее. Видя такой оборот, посетитель начинает беспокоиться: «Что-то тут не так. Вы куда?! Вот, опять!» - его раздражение нарастает до определенного уровня, хоть чашка нужна ему не больше, чем ведро или что-то иное.

Вывод: *степень удовлетворения от приобретения (чашки, кружки, и прочего имущества) меньше степени огорчения от адекватных потерь.* Люди готовы воевать за свой карманный грош и менее склонны нагибаться за рублем.

Ситуация следующая характеризует разные точки отсчета при принятии решения относительно возможных убытков. Представьте, что вы пришли в театр, и обнаружили. Что потеряли билет, за который заплатили 10 долл. Возмещать вам эти деньги никто не собирается поэтому вам, чтобы пройти в театр надо заплатить еще 10 долл снова. Заплатите ли вы еще эти деньги?

Эту же ситуацию несколько модифицируют тем, что говорят: войдя в театр, вы обнаружили, что потеряли 10 долл. Заплатите ли вы за билет в этом случае? Канеман и Тверски отмечают, что 54% в первом случае отказались от повторной покупки билета и 82 % во втором случае согласились приобрести билет в ситуации потери денег. Авторы это объясняют «тематической организацией мышления»: мысленно потеря билета увеличивает расходы до неприемлемого уровня, в то время как просто потеря денег не учитывает эти целевые расходы.

Пример из прошлой советской и текущей практики. Когда работники получают неожиданно незаработанные премии, они на это, мягко говоря, реагируют благосклонно, хотя могут и удивиться. И история почти не знает случаев отказа от премий или других незаслуженных вознаграждений. Однако сколько можно привести конфликтных примеров, когда эти части зарплаты через месяц или два просто не выплачиваются, не говоря уж о том, что не требуют возврата ранее выплаченного. Просто не платят уже того, что не заработано. Социалистическую экономику в прошлом не любит старшее поколение потому, что обещали коммунизм, а получили ... не совсем ожидаемое. К сожалению, мало кто при этом может сказать: но ведь советский народ и работал не так эффективно, как предполагалось.

Вывод следует следующий. Иррациональность людей такова, что они охотней верят в то, что знают ответы на любые непознаваемые вопросы и отказываются признавать очевидность того, что на деле не видят дальше собственного носа (как правило, аргумент тут бывает один: «это моя вера!»). Здесь данная формула является единственным и решительным аргументом. *Р. Шиллер, получивший в этом 2013 г. очередную Нобелевскую премию, это сформулировал так: людям вообще свойственно ошибаться и наслаждаться при этом сообщая, нежели мучиться с истиной в одиночку.*

Что же получили в итоге, если оценивать современную практику и почему доминирует иррациональное, усиливая эффекты общей дестабилизации. Во-первых, человек хозяйствуя, породил экономику, из которой выделились деньги, банки, финансы и многие производные. Последних сегодня больше реального мирового богатства (350 трлн. долл) приблизительно в пять раз – 1500 трлн долл. И этот фиктивный сектор стал преобладающим в формировании тех условий поведения, которыми руководствуются люди. В иррациональном мире можно выиграть – не заработать, только действуя иррационально. «Игра» на бирже рассчитана на обычную случайность, но слухи о выигрышах привлекают большое

внимание к этому, по сути, неэкономическому процессу. Об этом пишет постоянно Дж. Сорос. А вот как сказал уже цитируемый лауреат Р. Шиллер «Иррациональное изобилие»: Одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение. Во-вторых, законы права подавили и узурпировали законы экономические, законы Хозяйства. Сегодня экономические законы потеряли «объективный характер» в трактовке современных экономистов и приобрели статус именной: закон Бивериджа, Питу, Тобина и т.д. Поэтому сфера права и политики получили хорошую основу собственной интерпретации социально-экономических явлений. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [4, с. 55]. Итог: законы права не нарушены, хотя экономические законы «возмутились» бы, что и проявляется в периоды кризисов. За последние же никто не отвечает – ведь кризис же... В-третьих, мы уже писали о сложившемся распределении богатства на текущий период 2013 г. : 86 % богатства мира находится в собственности 10 % населения мира, а 2/3 населения мира имеют в собственности всего лишь 3 % богатства. Добавим: в России 1 % богатых владеют 71 % личного богатства. Самыми богатыми (?) странами (2012 г.) «признаются Катар (88 222 долл. на душу населения) Люксембург (81486 долл), Сингапур (56694 долл), Норвегия (51959 долл), десятку замыкают Нидерланды (40973 долл). А еще недавно была Исландия с ее 140 000 долл на душу населения. *Парадокс* - эти страны имеют доходы, занимаясь лишь транзакционными операциями и извлекая институциональную ренту в процессе обмена. Но ведь богатство создается в сфере производства, а чтобы получить доход, надо еще пройти стадию обмена.

В-четвертых, этот пункт можно назвать парадоксом Роберта Солоу (он же — компьютерный парадокс, сформулирован еще в 1987 году. Автор пишет, что мы видим компьютеры повсюду, но только не в официальных цифрах роста производительности, к чему стремились, когда начинали компьютеризацию. Статистика показала, что инвестиции в компьютеризацию производства, с одной стороны, не приводили к увеличению прибыли или улучшению производительности труда; с другой стороны, как ни странно, приводили к еще большим инвестициям в компьютеризацию производства. Мы до сих пор возлагаем на развитие и внедрение компьютерных технологий в реальную хозяйственную значительно большие надежды, чем они могут повлиять на качество и количество социально-экономических изменений.

Есть эта проблема рационально-иррационального и в белорусской экономике. Действительно, Беларусь одна из немногих бывших республик,

которая сохранила свое отечественное производство. Но парадокс в том, что чем больше мы экспортируем, предполагая что мы поступаем рационально, тем больший отрицательный торговый баланс – 1 долл экспорта требует примерно около 90 центов импорта. Критика звучит справа и слева: но как преодолеть эффект исторической колеи?

Пожалуй, больше иррационального, чем рационального и в принятом на вооружение показателя ВВП. Собственно, это оценочно-полезностный показатель, где стоимости места нет. Точнее – почти нет. Но проблема здесь в том, что чем ВВП больше, тем как бы (?) лучше. Но где предел роста? Как писал К. Боулдинг (США), что тот, кто верит в непрерывный экономический рост – тот либо безумец, либо лжец... Мы еще не замечаем и того, что ВВП будет больше, чем, например, будет больше аварий на дорогах, поскольку будут затраты на восстановление дорог и автомобилей. Но как следует из последнего анализа кризиса, в каждом проценте роста богатые существенно выигрывают, а средний класс проигрывает. Необходимый, но подтвержденный деньгами продукт, также не включается в величину ВВП.

Иррациональность уже достигла и самой науки, которая по странной какой-то случайности приобрела статус «экономической теории». Есть физика (не физическая теория), химия (не химическая теория), биология и пр. Однако научный статус экономике, пожалуй, приставка «теория» никак не добавляет. Как строится современная мировая экономическая теория. «К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, – пишет П. Кругман, – поскольку слишком многие люди, облеченные властью, ...многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологически удобными предубеждениями [5, с. 9-10]. Так известный лауреат оценивает ситуацию интеллектуального экономического потенциала, сложившегося на текущий период.

Наконец, последнее. Глобальную экономику мы уже не отрицаем, хотя странного и мифического в нем больше, чем в самой мировой хозяйственной системе [6, с. 106-108]. Построили глобальную экономику, в которой стала доминировать *глобальная рента как форма дохода*. Капитал, как исторически вызревшая экономическая форма, утратил свои преимущества эффективного развития. Стагнация частично пока разрешается новым экономическим империализмом, в основе которого лежит институциональное неравенство и неэквивалентность торговых валютных отношений. Возникли и новые *переходные экономические формы*, которые мало изучены или изучаются не системно. Произошел также подрыв института частной собственности: его сегодня невозможно сохранить в рамках классических законов экономики – сберечь нельзя инвестировать. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [7, с. 224]. И далее, как

следует по тексту: если что и погубит капитализм, то его рантье́рская способность. И действительно, рентные доходы разного вида в структуре мировых доходов растут. Но это уже не рыночный доход, в получении которого когда-то была заложена рациональность сложного утилитаризма: богатым можно быть, но только за счет производства благ и услуг для других.

Т. Веблен о противоречии производственных и денежных сфер заметил весьма смело для своего времени следующее: «Денежная деловитость, в целом не совместима с производственной эффективностью» [8]. Нельзя не замечать и того, что люди создали деньги, но не они владеют деньгами, а деньги людьми, что в принципе нарушает разумность человеческого существования. Но все-таки, время – не деньги, как принято утверждать сегодня. Время – это, прежде всего, жизнь, ибо деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит, как заметил один из мыслителей. Людям же свойственно или приятно заблуждаться вместе, например, ругая предстоящую девальвацию, чем истиной владеть одному. У экономиста-теоретика это чувство ответственности заменено на полезность, на деньги и пр. Итог текущего развития, таким образом, нуждается не только в переосмыслении, но уже и в реконструкции. Теоретической в том числе, где рациональность будет соответствовать человеческой природе бытия, а не братья некой кем-то заданной мифической предпосылкой или задаваться заинтересованным фондом. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина – нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей – между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями» [9, с. 454].

Литература

1.	ругман П. Возвращение великой депрессии. М., 2009.	К
2.	мит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.	С
3.	Anderson V. M. Economics and the Public Welfare. Indianapolis, 1979.	А
4.	ругман П. Великая ложь. М., 2004.	К
5.	ругман П. Выход из кризиса есть. М., 2013.	К
6.	емещенко П. С. Глобализация: миф, виртуальность или реальность? // Проблемы современной экономики. СПб, 2005. № 1-2.	Л
7.	Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.	
8.	Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.	

9.

Ауманн Р. О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Пер. с англ., 2-е изд. М., 2010.

Автор:

Лемещенко Петр Сергеевич, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, докт. экон. наук, профессор;

(220030, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет,

Белорусский государственный университет,

пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01;

адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;

e-mail: индивидуальн. - liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by-